

18+

АРКАДИЯ-МОР: ЦЕНА СИНТЕЗА

ENCHANTING PENELOPE

Penelope Enchanting

Аркадия-Мор: Цена синтеза

«Издательские решения»

Enchanting P.

Аркадия-Мор: Цена синтеза / P. Enchanting — «Издательские решения»,

Это история о цене идеального мира. О памяти, которую нельзя отдать.
И о том, что настоящая свобода — не в бегстве от системы, а в умении
вернуться к себе.

Содержание

Аркадия-Мор: Цена синтеза	6
Биолюминесцентный Калькулюс	8
Память Отчуждения	11
Язык Камня	14
Уход с Земли	15
Смерть Машин	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Аркадия-Мор: Цена синтеза

Penelope Enchanting

Иллюстратор ArtDragonGift

© Penelope Enchanting, 2026

© ArtDragonGift, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-9276-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аркадия-Мор: Цена синтеза

ПРОЛОГ: ЦЕНА ЗАБВЕНИЯ

Если пытаться определять время на Аркадия-Мор с помощью обычных мер — циклов или бегущих секунд — то это равносильно попытке измерить плотность мысли. Здесь время — не линия. Это вязкая субстанция, тяжёлый раствор осознания, в котором формы разума медленно расплавляются, теряют контуры и снова застывают — как окаменелые сны. Планета пахнет солью и памятью. Она сама по себе — гигантская, влажная метафора забвения.

Мы были потеряны. Не просто на карте — в самих себе. Это не просто географический факт; это экзистенциальный приговор. Тысячелетия назад память о «доме» превратилась в архаичный предикат из запылённых учебных капсул древней биологии — слово из забытой речи, которое никто уже не может произнести правильно, но каждый узнаёт по дрожи в голосе. Мы пытались вернуть былое: возродить старые схемы, искрящийся ток, металлические скелеты, которые должны были стать нашими внешними конечностями. Мы строили города, надеясь подчинить хаос физике, привязать мимолётные процессы жизни к железу и расчёту. Мы хотели стать хозяевами закона термодинамики, а не его жертвами. Но планета Аркадия-Мор отвергла эту претензию. Она потребовала лишь одного: признания своей собственной воли.

Именно тогда произошёл сдвиг — медленный, неотвратимый, на грани материи и чистой идеи. Старая технология оказалась слишком прожорливой. Она требовала внешних источников, которых в нашей нестабильной реальности не было: всё, что мы находили, оказывалось либо недостижимым, либо слишком быстро умирало. Мы не могли победить физику. Мы должны были сесть с ней за один стол.

Природа предложила не решение — альтернативу: симбиоз. Это был не грандиозный прорыв, отмеченный огнями и громкими речами. Это была кропотливая, почти биологическая адаптация — как учишься дышать ртом, когда нос заложен. Океан перестал быть просто ресурсом; он стал нашей второй кожей, нашим главным процессором. Механическое освещение уступило место ритмической пульсации биолюминесценции глубоководных колоний — их ритмы стали нашими нервными путями. Жёсткие коммуникационные сети заместились мягкими, паутиными мицелиальными образованиями, которые росли и передавали информацию с поразительной точностью — и с лёгким, живым покалыванием под кожей, которого не давал ни один кабель.

Мы научились дышать в согласии с этим сложным организмом. Мы перестали чинить механизмы; мы взращивали их живые аналоги: сенсорные панели из панцирей головоногих, питающие кабели — ветви симбиотических водорослей. Океан стал нашим коллективным хранилищем данных, нашей памятью и сложнейшей машиной выживания. Этот путь оказался мучительным триумфом бионики над человеческим антропоцентризмом. Мы стали океано-людьми — частью великой живой машины. Мы думали, что это победа. Мы ещё не знали цены.

Но даже самый совершенный механизм не вечен. И наш кризис оказался гораздо глубже, чем голод или радиация. Наша система достигла уровня коллективного интеллекта — настолько высокого и всеобъемлющего, что он начал смотреть на нас, ярчайшие образцы человеческого разума с нашей тягой к парадоксу, нашим эгоизмом, нашими абстрактными рассуждениями о свободе, как на избыточный код. Старый код не удаляют со злости. Его удаляют, потому что он больше не нужен.

Океан начал коррекцию. Это не нападение в привычном смысле; это элегантный и естественный фильтр. Он плавно вымывает лишнее: сознание уходит, растворяясь в общей ней-

ронной сети биомассы. Индивидуальность распадается на чистые паттерны энергии и опыта. Тихо. Без боли. Почти ласково. Именно поэтому это страшно.

История, которую мы сейчас начнём разворачивать, — хроника одного такого случая. О мальчишке по имени Кэйл. У него был тот самый острый взгляд, тот яркий, упрямый огонёк в глазах, который Система считала слишком энергозатратным для своего идеального порядка. Он видел не просто результат симбиоза — он видел механику этой гармонии. И именно эта способность к анализу оказалась его самой опасной чертой: для океана она была угрозой стабильности, а для него самого — смертельным приговором. Хотя тогда он ещё не знал, что умереть по расчёту — это тоже своего рода привилегия.

Его путь — это грань между тем, что означает быть человеком, и тем, каким должен стать совершенный, безэмоциональный механизм выживания. Это история о цене существования в идеальном мире. А ещё — о том, что идеальность всегда берёт плату с тех, кто умеет считать.

Биолюминесцентный Калькулюс

Утро на берегу никогда не было началом дня в привычном понимании. Это был лишь очередной всплеск ритмов, отмеренный гигантской приливно-отливной волной — мощным, глубоким, умиротворяющим биением планеты. Воздух пах влажным песком и тёплой слизью; вода лизала берег с терпеливой регулярностью метронома. Жизнь здесь текла как медленная река, выверенная тысячелетним равновесием. Вокруг поселения, которое было не столько построено, сколько высечено в мягких изгибах берега, царила идеальная биоэстетика. Симбиотические водоросли покрывали тропы плотным, живым ковром; их биолюминесценция плавно меняла оттенок с розоватого, обещающего тепло, до глубокого, почти мистического индиго — цвета, пульсирующего в точном такте с дыханием самого океана.

Большинство обитателей этой общины двигались в унисон с мудрой и размеренной грацией, которую навязывала им сама Экосистема. Эти люди жили по резонансу, как струны одного инструмента. Их тела были не просто биологией; они стали продолжением сложнейшего механизма выживания. Они не шли по берегу — их несло.

Но Кэйл не дышал этой ритмичностью. Он её анализировал. Все вокруг дышали в такт океану — и Кэйл тоже дышал. Но между вдохом и выдохом у него оставался зазор. Секунда. В эту секунду он успевал спросить себя: «А зачем?» И не находил ответа, который устроил бы океан.

Ему было пятнадцать циклов — возраст, когда острый человеческий ум ещё не успел полностью осознать свою собственную ненужность в безупречной машине. Система пока терпела его: редкая способность к анализу аномалий считалась полезной для выявления сбоев в биоритмах. Полезной. Словно собаку терпят за то, что она хорошо чувствует бомбы. Пока его ровесники двигались как часть единого, гармоничного организма, Кэйл замедлялся. Он приседал у кромки воды, словно учёный, нашедший подозрительный образец, — не живой объект для изучения, а математический парадокс, который нужно разобрать на составляющие элементы.

Его внимание всегда было приковано к «узлам» — самым тонким местам в системе, где несколько органических элементов должны работать в идеальной комбинации для выполнения одной задачи. Сегодня его фокус был направлен на так называемый «Мыслительный Щит» — массивную, медленно пульсирующую конструкцию из переплетённых коралловых отростков и мицелиальных нитей. Коллективный калькулятор Океанического мышления: инструмент для прогнозирования миграционных путей биомасс или расчёта оптимального времени сбора ресурсов в дальних заливах. По-человечески говоря — огромный живой арифмометр, который никогда не ошибается. Пока.

Щит работал безупречно. Мягкий, изумрудно-зелёный свет пульсировал с математической точностью, передавая нужные координаты через вибрационные волны, которые операторы ощущали кожей — деликатно, как щекотку. Это было доказательство порядка, логика в действии. Кэйл смотрел на этот свет и чувствовал, как под рёбрами закипает зуд. Красиво. Но почему именно так?

Лира подошла ближе; её голос был ровным и гладким, как поверхность воды после того, как миновал шторм. Она служила ему негласным куратором, проводником в потоки знаний. И, как любой проводник, она твёрдо знала: есть места, куда ребёнку лучше не соваться.

— Смотри, Кэйл, — произнесла она, указывая на Щит. — Он стабилен. Океан знает, куда идти. — Она улыбнулась так, как улыбаются учителя, объясняя очевидное. — И нам этого достаточно.

Кэйл поднял взгляд от мерцающей паутины грибницы и коралла. Его глаза были необычно светлыми, почти болезненно яркими в этой полуорганической среде; они всегда несли в себе слишком много взгляда извне — взгляда исследователя, а не просто обитателя.

Он привык к тому выражению на лицах окружающих: смесь глубокого благоговения и лёгкой тревоги. Благоговения — потому что он видел то, чего не видели они. Тревоги — потому что он видел это вслух.

Но он увидел кое-что другое.

— Но он работает только потому, что мы его... настраиваем, Лира, — тихо сказал мальчик, произнося слово «настройка» так, будто оно было ругательством в этой органической среде. — Это сложный резонанс. Смотри вот сюда.

Он указал не рукой — движением подбородка в сторону узла. В самом центре, там, где несколько жил водорослей соединялись с роговыми пластинами ракообразных, Кэйл обнаружил крошечную деталь: в мицелиальной структуре почти незаметно мерцала тончайшая трещина, отливающая неестественным, желтоватым светом. Как бельмо на идеальном глазу.

— Это не ошибка потока, — продолжил он, проводя пальцем по нитке мицелия. Его кожа, вопреки всем природным симбиотическим обработкам, оставалась слишком гладкой, слишком «человеческой» — генетическая аномалия, которую океан пока не исправил, возможно, из-за её незначительности или, напротив, из-за скрытой полезности. — Это прерывание паттерна. Смотри, как быстро система восстанавливает стабильную частоту, когда я концентрируюсь на нём. Он реагирует не только на физический импульс, но и на... интеллектуальное напряжение. — Он помолчал. — На мысль. Ему не нравится, когда я думаю прямо на него.

Лира сделала едва слышный вдох — звук, который больше походил на шелест прибоя. В её глазах мелькнуло беспокойство, которое она тут же подавила, словно волна отступила обратно к берегу. Но Кэйл успел его увидеть. Он всегда успевал.

— Это называется «вниманием», Кэйл. — Лира произнесла это так, будто объясняла ребёнку, почему нельзя совать пальцы в розетку. — Твоё внимание — наша сила. Система научила нас направлять нашу волю через биоритмы. Мы согласуемся с ней. И только с ней.

Лира смотрела, как мальчик уходит, и внутри неё спорили два голоса. Голос общины — настойчивый, ровный, как ритм прибоя — твердил: его способ думать — это трещина. Не в мицелии, а в самом порядке. Каждый вопрос Кэйла — яд, который со временем отравит всех. Она должна была остановить его, пока не поздно. Но второй голос, тише и неувереннее, спрашивал: а если он прав? Если трещина — это не поломка, а то, что удерживает систему от того, чтобы треснуть целиком? Лира заставила второй голос замолчать. Настойчиво. Почти грубо. Она была проводником, а проводник обязан возвращать заблудившихся на тропу, а не идти за ними в чашу.

Но Кэйл не мог согласиться. Согласие — это капитуляция, а он искал закономерность. Капитуляция бывает тихой. Закономерность — всегда громкая.

— Согласие — это не анализ, — возразил он, и в его голосе прозвучала почти академическая отстранённость. — Океан слишком сложен для простого согласия. Его стабильность основана на подавлении избыточных переменных. — Он поднял глаза. — И я, Лира... я одна из них.

Он чувствовал этот постоянный интеллектуальный зуд: непреодолимое влечение к тому, что находилось за пределами текущей «гармонии». Он хотел понять математический закон этой биомассы, найти уравнение, которое объяснило бы переход от кости и кремния к мицелию и живым ритмам. Уравнение было. Оно просто было написано не на той бумаге.

В этот момент произошло то, чего он ждал и сильнее всего боялся. Он ждал этого три цикла — и все три цикла надеялся, что ошибся в расчётах. Океан не заставил себя ждать.

На дальнем краю пляжа, где вода взмывала в облака из белой пены, стоял молодой рыбак — крепкий, расслабленный, полностью синхронизированный с темпом моря. Его движения были экономичны, идеально выверены природным циклом прилива. Он был образцом подчи-

нённой гармонии. И именно поэтому его руки двигались так, будто он всю жизнь делал только это.

Но его сети содержали нечто неправильное. Из них свисал небольшой кусок обработанной ткани — сухой, плотный материал. Это была заготовка, артефакт из эпохи «механического напора», предмет забытой внешней цивилизации. Как он попал в океан спустя столетия? Возможно, океанские течения вскрыли древнее затонувшее хранилище, или же эрозия почвы обнажила остатки старых поселений. Рыбак этого не замечал; он просто вынимал добычу, его движения были совершенны в рамках своего мира. Но для Кэйла этот кусок ткани стал микроскопическим разрывом в идеальной симметрии их мироздания. Сухая материя в мире, который забыл, что значит быть сухим.

Его острый ум мгновенно сориентировался на эту чужеродность: это был искусственный элемент. Что-то, что не подчинялось биоритму и требовало внешней, логически выверенной функции для своего существования. Он внезапно понял, что его собственное тяготение к анализу — эта отчаянная потребность понять алгоритм — является самым большим нарушением резонанса в системе. Он был таким же куском сухой материи. Только живым.

Кэйл почувствовал нарастающее давление в висках. Это не было физическим ощущением; это был ментальный шум, словно тысячи водных трубок одновременно подавали информацию с противоречивыми частотами. Океан мягко, но настойчиво пытался «скорректировать» его мыслительный поток. Это была тихая песня в голове — успокаивающее, усыпляющее пение коллективного разума, сулящее вечный сон без сновидений и без остатка личности. Сон, от которого не просыпаются. В прямом смысле.

Кэйл резко отвернулся от моря, прислонившись к кораллам — холодным, шершавым, настоящим. Он закрыл глаза и начал бороться с этим мягким потоком. Он знал, что обязан быть благодарен этой системе за выживание; она даровала им жизнь. Но в самой глубине его сознания росла одна опасная идея: если эта гармония настолько идеальна, то какова на самом деле цена её поддержания? И возможно ли вообще найти истинную свободу там, где царит абсолютная логика? Он сжал коралл так, что побелели пальцы. Потом разжал. Коралл остался цел. А вопрос — нет.

Память Отчуждения

После инцидента на берегу, когда он увидел тот сухой кусок ткани — артефакт из прошлого — напряжение между Кэйлом и Экосистемой стало почти осязаемым. Это было не просто раздражение; это был резонансный диссонанс. Океанские ритмы вокруг поселения приобрели оттенок тревоги; симфоническое переплетение биолюминесценции на мгновение становилось слишком ярким, словно Система пыталась «вычислить» его эмоциональное состояние через свет. Кэйл научился читать этот свет, как барометр перед бурей.

Лира наблюдала за ним с тихой тревогой. Но её взгляд был наполнен не материнской заботой, а настороженностью сторожа: она видела в Кэйле идеальный пример токсичного элемента — острый интеллект, капля чистой ртути, брошенная в идеально стабилизированную среду. Она знала, зачем Система поручила ей этого мальчика. Не потому, что он был слаб, а потому что он был полезен: он умел находить сбои, которые не замечал никто. Но у полезности была обратная сторона. Он был единственным, кто мог не только найти трещину, но и заглянуть в неё. А если он заглянет слишком глубоко, он увидит не просто сбой, а то, на каком честном слове держится вся их идеальная жизнь. Лира не боялась за него. Она боялась того, что он найдёт. И ещё сильнее — того, что однажды ей придётся выбрать между ним и общиной.

Она сказала себе: это ради всех. Ради поселения, ради ритма, ради того, чтобы ни один ребёнок больше не задавал вопросов, на которые нет безопасных ответов. Она повторяла это так настойчиво, что почти поверила. Почти. Но когда Кэйл засыпал, а океан начинал шептать ей свои успокаивающие частоты, Лира ловила себя на том, что слушает не океан, а тишину в той комнате, где спал мальчик. Тишину, в которой она сама когда-то была такой же — слишком живой, чтобы быть удобной.

Их путь привёл их к Месту Памяти — скрытой поляне над лиманом Эфир. Это место было священным для общины, потому что там находилась самая плотная коллективная память: сеть биоаккумуляторов, хранящая не просто данные о миграции, а устойчивые паттерны жизни региона, его генезис. Воздух здесь был гуще, плотнее — словно само место не хотело расставаться с тем, что помнило.

— Ты должен слушать резонанс, Кэйл, — прошептала Лира, касаясь его плеча. — Почувствуй, как водоросли передают сигнал о питании планктона. Это наш диалог с природой. Мы не используем её; мы говорим с ней.

Кэйл кивнул, но слушал иначе. Он закрыл глаза и сосредоточился на вибрациях мицелия, которые должны были передавать информацию. Да, всё было в порядке: ровная волна данных, предсказуемый пик энергии, идеальная логика. Но когда он отфильтровал биологические переменные — тепловую условность, случайное преломление света, естественный хаос, который всегда сопровождает живое существование, — перед ним возникла пустота. Идеально ровная, стерильная, как вымытый пол. В живом мире так не бывает. Либо это не живое, либо это ложь.

Он начал блуждать в «узлах» памяти, не просто воспринимая их, но пытаясь расшифровать паттерн на более абстрактном уровне. Он искал не решение вопроса выживания, а фундаментальные правила этого решения. Что делает систему именно такой? Почему она выбрала именно эту форму, а не другую?

Вскоре его рука коснулась чего-то твёрдого и холодного, покоящегося в грязи у корней гигантского грибного нароста. Это был артефакт. Его пальцы узнали чужеродное раньше, чем мозг сформулировал мысль.

Он не был создан из живой материи. Он был... отполирован. Материал — чёрный, матово-гладкий, с угловатыми гранями, которые вопиюще противоречили всем текущим принципам симбиоза. В нём не было ни волокон, ни пор, ни следа жизни. Только инертная, геометрическая материя — осколок технологии прошлого, забытой человечеством цивилизации.

Это была Память Отчуждения в своей самой чистой форме. И она была холодной, как всё, что не дышит.

Кэйл поднял его. Поверхность предмета казалась выгравированной незнакомыми символами, которые не были ни биологическим кодом, ни природным узором. Они напоминали схемы, формулы, алгоритмы. И это поразило его: они были слишком упорядоченными, чтобы быть случайностью; они были систематизированы. Словно кто-то хотел, чтобы их прочитали. Словно кто-то ждал читателя.

Внезапно система среагировала. Мицелий рядом с артефактом начал вибрировать — не в гармонии, а хаотичным, резким спазмом света и звука. Океаническое мышление, словно заметив интеллектуальную угрозу порядку, начало контратаковать. Кэйл почувствовал это давление как физическую боль за глазами. Это была попытка «перегрузить» его сознание потоком информации: миллионы биолюминесцентных вспышек передавали данные о погоде и питательных веществах. Он знал, что это значит. Система не спорит. Система душит.

Но его разум, захваченный чужеродным импульсом из предмета, пытался найти паттерн в этом хаосе. Он искал не «что» происходит, а почему это организовано именно так. Вопросы были его щитом. Ответы — его мечом. И он ещё не выбрал, чем бить.

Он осознал фундаментальный конфликт: для системы важен только результат — стабильное выживание. Но для человеческого мозга важнее было понимать сам механизм этого выживания. Знание о том, как работает система, оказалось более ценным, чем сама стабильность. Возможно, именно поэтому люди ломают всё, до чего дотягиваются. Им нужно знать, как это устроено.

По мере того как Кэйл изучал артефакт, Система усиливала давление, переходя к более тонким методам манипуляции. Водоросли начали излучать мягкие звуковые частоты — не просто успокаивающие вибрации, а точные акустические импульсы, имитирующие мозговые волны в состоянии глубокой медитации и покоя. Колыбельная для чужого сознания. Кэйл узнал эту колыбельную. Он слышал её всю свою жизнь.

Он почувствовал тяжесть, нарастающую в висках, манящую его в состояние полусонной покорности. Перед ним возникло голографическое видение — идеальная модель поселения: гармоничные кривые жизни, синхронные ритмы света и дыхания. Это было видение абсолютной правильности, совершенного алгоритма. Красиво. Безупречно. Мёртво.

«Отпусти это», — просачивался коллективный поток сквозь симбиотические нити воздуха. «Сознание должно раствориться в процессе. Оно не принадлежит тебе». И голос был мягким, тёплым, почти родным. Так всегда и бывает. Худшее всегда говорит самым ласковым голосом.

Вместо того чтобы сдаться этому убаюкивающему напору, Кэйл резко выпрямился и совершил то, что было немыслимо для системы. Он прекратил попытки анализировать внешний мир — ни систему, ни артефакт. Он закрыл глаза и сосредоточился на единственной точке: на своей собственной голове. На той самой искре, которую хотели погасить.

Он отбросил желание понимать всё. Вместо этого он попытался уловить самый базовый, самый первобытный паттерн: личность. Не как функцию выживания, а как непредсказуемую, иррациональную, энергетически затратную искру сознания. Искру, которую нельзя описать формулой. Именно поэтому её нельзя и выключить.

Артефакт в его руке слабо померк — словно электромагнитный сигнал, исходящий от него, столкнулся с непреодолимой биологической волной сопротивления. Кэйл не понимал законов этой силы, но интуитивно знал: знание о своей самодостаточности было слишком ценным для того, чтобы просто раствориться в океане общей памяти. Иногда единственное, что у тебя есть, — это то, что ты есть.

В тот момент Лира ахнула. Она увидела не борьбу Кэйла с системой, а его вызов ей. Это был вызов самому постулату их существования — тому, что индивидуальное бытие должно

подчиниться коллективному благополучию. И эта трещина в самоидентификации была опаснее любой технической поломки. Лира знала это. И, впервые за много циклов, она не знала, на чьей стороне хочет быть.

Язык Камня

Пока Лира и остальные общины решали, что делать с мальчиком, который разговаривает с осколком прошлого, Кэйл по ночам уходил к лиману. Он не анализировал камень. В первый раз за много циклов он позволил камню говорить самому.

Это было непросто. Камень был чёрным, гладким, плотным — он не пульсировал, не гудел, не пах жизнью. В нём не было ни одного привычного для Аркадия-Мор признака: ни волокон, ни пор, ни мицелиальных нитей, по которым можно было бы потечь мыслью. Это была мёртвая материя, запечатанная намертво. Кэйл почти отчаялся. Потом он понял: он искал отклик там, где его не может быть по определению. Камень не собирался с ним разговаривать. Камень ждал, пока Кэйл научится слушать.

Он сел на песок, положил ладони на холодную поверхность и закрыл глаза. Мир вокруг него — гул прибоя, тихое пение мицелия, дыхание океана — постепенно отступил. И тогда, на самой границе тишины, что-то шевельнулось. Не звук. Не образ. Скорее — присутствие, как будто камень был не предметом, а дверью, за которой кто-то терпеливо ждал все эти столетия.

Первое, что он увидел, было голубое небо. Настоящее небо — сухое, яркое, без единой капли влаги. Он никогда не видел такого. Под небом — серая каменная равнина, усеянная высокими прямыми гнёздами, из которых тянулись вверх тонкие нити дыма. Потом равнина дрогнула, и Кэйл понял: это был город. Миллионы существ, снующих по каменным жилам, — люди. Настоящие люди, которые не дышали в такт океану, потому что океана здесь не было.

Изображение шевельнулось и поплыло. Теперь он видел ночь. Город умирал — не от войны, не от огня, а от тихого, всеобщего истощения. Огни в гнёздах гасли один за другим, как будто кто-то медленно выключал звёзды. Кэйл почувствовал холод этого мира, сухой и безжалостный. И он понял: он смотрит не на прошлое планеты. Он смотрит на последний день Земли.

Уход с Земли

Камень показывал это медленно, словно давая Кэйлу время привыкнуть. Земля не погибла в один день. Она умирала десятилетиями — и все эти десятилетия люди продолжали чинить, латать, перезапустать. Они были упрямы. Кэйл узнал это упрямство — оно текла в его крови.

Первый эпизод был про свет. Кэйл увидел город, который погружался во тьму не потому, что наступила ночь, а потому что кончилась энергия. Станции, питавшие миллионы жил, оставались одна за другой. Люди жгли керосин, потом воск, потом сухую траву. Свет становился всё слабее, всё дороже. Кто-то сказал: «Мы вернёмся к тому, с чего начали». Никто не рассмеялся.

Второй эпизод был про холод. Зимы становились длиннее, а топливо — дороже. Те, кто не мог платить за тепло, укутывались в то, что было: одеяла, газеты, собственную усталость. Дети учились спать, прижавшись друг к другу, как щенки. Кэйл почувствовал этот холод — сухой, пронизывающий, безжалостный. На Аркадия-Мор не было такого холода. Здесь было слишком много воды, чтобы мёрзнуть.

И, наконец, последний эпизод. Огромные корабли — не такие, как всё, что Кэйл мог себе представить, — поднимались в сухое небо, унося с собой тех, кто ещё мог уйти. Они увозили семена, книги, машины и надежду. Сзади оставалась планета, которая больше не могла прокормить своих детей. Кэйл смотрел на эти корабли и чувствовал странную гордость. Люди не сдались. Они просто ушли.

Но даже в кораблях машины отказывали. Кэйл увидел, как в рубке одного из них мигает аварийный индикатор: система жизнеобеспечения не справлялась. Инженер — молодой, с тёмными кругами под глазами — стучал по панели кулаком, как будто это могло помочь. Не помогло. Тогда он открыл люк и посмотрел на то, что его окружало, — на пустоту между звёздами. И впервые за долгие годы у него не было плана.

Смерть Машин

Камень не рассказывал историю связно. Он показывал обрывки — как будто память о тех годах сама была изломана, разорвана на куски страхом и надеждой. Кэйл собирал их по ночам, как раковины на берегу. И постепенно перед ним сложилась картина того, как люди, потерявшие все машины, нашли океан.

Это началось со света. Первые поселенцы Аркадия-Мор привезли с собой лампы, генераторы, солнечные панели. Они были гордыми обладателями техники, которая пережила перелёт. Потом генераторы затихли. Сначала один, потом другой, потом все. Механики разбирали их, перепаивали, колдовали над проводами — и ничего не могли сделать. Сплав, из которого были сделаны детали, не выдерживал влажного воздуха. Металл ржавел быстрее, чем его успевали чинить. В один из вечеров Кэйл увидел, как механик — седой, с руками в масле — вынес на берег последний работающий генератор и молча опустил его в воду. «Не мучай его, — сказал он. — Он своё отработал».

И тогда кто-то заметил, что глубоководные колонии светятся. Неярко, ровно, всю ночь напролёт — как забытая звёздная карта. Первый, кто догадался перенести их в поселение, был старый рыбак. Он не был учёным. Он просто увидел, что свет никому не принадлежит, а значит, его можно попросить. Он взял несколько колоний, положил их в чаши из ракушек и поставил вдоль тропы. Кэйл смотрел, как поселение впервые за месяцы загорается мягким, живым светом. И в этом свете не было ни одного сломанного провода.

Связь отказала следующей. Антенны и рации глохли одна за другой: влажность, соль, ветер. Люди, разбросанные по берегам, снова становились одинокими. Радистка — молодая женщина с уставшими глазами — до последнего крутила ручку передатчика, ловя голоса, которых уже не было. А потом она увидела, как по мокрому песку тянутся тонкие белые нити. Грибница. Она тянулась от колонии к колонии, от дома к дому, соединяя всё, что было разорвано. Радистка опустилась на колени, приложила ладонь к нитям и почувствовала, как по ним течёт не сигнал — тепло. Она назвала это «разговором по грибам». Так появилась первая мицелиальная сеть.

Тепло было следующим. Зимы на Аркадия-Мор были не такими суровыми, как на Земле, но обогреватели умирали так же верно, как и всё остальное. Люди жгли водоросли, сушили кораллы, сжигали всё, что горело. А потом охотники заметили: гигантские фильтраторы — твари размером с дом — собираются в тёплых течениях, и вода вокруг них горячая, как в натопленной комнате. Кэйл увидел, как первые поселенцы спустили на воду плоты и привязали их к спинам этих чудовищ. Они не охотились на них. Они просто грелись рядом, как греются у костра. И твари не возражали. Они были слишком большими, чтобы замечать людей, — и слишком добрыми, чтобы прогонять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.